

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

КОЛДОВСКОЙ МИР
ПАУТИНА КОЛДОВСКОГО МИРА
ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА
ЗАКЛИНАТЕЛЬ КОЛДОВСКОГО МИРА
ВОЛШЕБНИЦА КОЛДОВСКОГО МИРА
ГОД ЕДИНОРОГА
СКАЗАНИЯ КОЛДОВСКОГО МИРА
РОГАТЫЙ ВЕНЕЦ
ВОЛШЕБНЫЙ ПОЯС
ПРОКЛЯТИЕ ЗАРСТОРА
ТАЙНЫ КОЛДОВСКОГО МИРА
ТРОЙКА МЕЧЕЙ
БЕРЕГИСЬ ЯСТРЕБА
КОЩАЧЬИ ВРАТА
ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРИФОН
ГРИФОН ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ
ГНЕЗДО ГРИФОНА

ПЛАНЕТА ПОВЕЛИТЕЛЯ ЗВЕРЕЙ
ЦИРК ПОВЕЛИТЕЛЯ ЗВЕРЕЙ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА

АНДРЭ НОРТОН

Волшебной
жизни

Хрустальный грифон

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Н 83

Andre Norton
THE CRYSTAL GRYPHON
Copyright © 1972 by Andre Norton
GRYPHON IN GLORY
Copyright © 1981 by Andre Norton
GRYPHON'S EYRIE
Copyright © 1984 by Andre Norton, A. C. Crispin
OF THE SHAPING OF ULM'S HEIR
Copyright © 1987 by Andre Norton
All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора
и Ethan Ellenberg Literary Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского
Бориса Сагаловского, Галины Соловьевой
Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке Ольги Закис

Нортон А.

Н 83 Колдовской мир. Хрустальный грифон : романы / Андрэ Нор-
тон ; пер. с англ. Б. Сагаловского, Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука,
Азбука-Аттикус, 2022. — 576 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-19693-3

Перу американской писательницы Андрэ Нортон, «великой леди фантастики» XX столетия, принадлежит более 130 книг. Критики, увы, не спешили поддержать ее, а сама она была слишком скромным человеком, чтобы пробивать себе дорогу к пьедесталу. Тем не менее талант ее сиял так ярко, что не остался незамеченным. В нашей стране имя писательницы стало известно после выхода романа «Саргассы в космосе», блистательно переведенного Аркадием и Борисом Стругацкими. А в 1963 году в США вышла книга под названием «Колдовской мир» — так был создан один из известнейших фэнтези-миров в истории жанра.

Вселенная Нортон удивительна — магия здесь всемогуща (и даже признана официально), а законы непреложны, и нарушившего их рано или поздно настигает справедливое возмездие. В Колдовской мир можно попасть через магические Ворота — и это дает любому человеку замечательный шанс начать новую жизнь на новой земле.

В настоящий том входят романы «Хрустальный грифон», «Грифон торжествующий», «Гнездо грифона» и рассказ «Наследник Ульмсдейла», посвященные приключениям лорда Керована — наследника Ульмсдейла — и его нареченной леди Джойсан. В союзе с волшебным грифоном, чье изображение украшает герб Ульмсдейла, они участвуют в вековом противостоянии Света и Тьмы.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

© Б. Сагаловский, перевод, 1992
© Г. Соловьева, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19693-3

ХРУСТАЛЬНЫЙ
ГРИФОН

1

Начало приключений Керована, некогда лорда-наследника Ульмсдейла из Высшего Холлака

Яродился дважды проклятым. Прежде всего, моим отцом был Ульрик, лорд Ульмсдейла, и о нашем роде рассказывают ужасные истории. Мой дед Ульм привел свой народ в эту северную долину, разогнал морских разбойников, основавших Ульмпорт, и ограбил одно из зданий Древних, забрав оттуда сокровище. Все люди знали, что это сокровище необычное, потому что оно светилось в темноте. И после этого грабежа не только моего деда Ульма, но и всех, кто участвовал с ним в этом страшном деле, постигла ужасная болезнь, от которой большинство из них умерли.

К моменту моего рождения отец был уже немолод. До моей матери у него были две жены и дети от них. Но дети — все до единого слабые, болезненные создания — либо рождались мертвыми, либо покидали этот мир в раннем детстве. Но отец поклялся иметь наследника и поэтому предпочел мою мать своей второй жене, когда ему показалось, что наследника он не дождется.

Род моей матери тоже наложил на меня проклятие. Мать звали леди Тэфана, она была дочерью Фортала из Палтендейла, что лежит далеко на северо-западе. Кое-кто еще и сейчас опасается обитателей тех краев, ибо говорят, что, когда мои предки пришли туда, там еще обитали Древние, похожие на нас, и те, кто жил на границах, породнились с Древними, в результате чего их потомки были не совсем людьми.

Как бы то ни было, мой отец отчаянно нуждался в наследнике. У Тефаны, недавно овдовевшей, уже был прекрасный ребенок, которому шел второй год. Звали его Хлаймер. Мой отец был готов отказаться от приданого, не желал ничего слышать о смешанной крови и приветствовал леди Тефану со всеми положенными почестями. Насколько я знаю, она тоже хотела соединиться с моим отцом и даже не убоялась проклятия, которое лежало на нашем семействе из-за похищения сокровища Древних.

Я родился раньше срока и при странных обстоятельствах. Мать ехала в Святилище Гунноры, чтобы попросить ее о благополучных родах и о сыне. Но после дня пути у нее вдруг начались схватки.

В окрестностях не было никакого подходящего пристанища, к тому же надвигалась сильная буря. Поэтому пришлось укрыться в месте, которого обычно избегали люди, — в одном из тех странных и внушающих страх зданий, что остались от Древних — народа сверхъестественной Силы, владевшего долинами задолго до того, как люди пришли сюда с юга.

Это здание прекрасно сохранилось, как и все, что было построено Древними. Похоже, они использовали могущественные заклинания, чтобы скреплять каменные плиты настолько прочно, что даже время не могло поглотить их, и поэтому некоторые здания выглядят так, как будто они были покинуты только вчера. Какой цели могли служить эти сооружения, никто не мог догадаться. На внутренних стенах были видны изображения мужчин и женщин, вернее, тех, кто выглядел как мужчины и женщины.

Роды были очень трудными, жизнь матери висела на волоске. Когда я родился, все пожалели об этом: едва мать увидела меня, она вскрикнула, потеряла сознание и почти лишилась разума. Еще несколько недель после родов она была не в себе.

Я не походил на других детей. Мои ноги заканчивались не стопами, а копытами — маленькими, раздвоенными, покрытыми роговой оболочкой.

Брови мои были скошены над глазами цвета маслянистого янтаря. Таких глаз никогда не было у людей. Поэтому каждый,

взглянув на меня, тотчас понимал, что надо мной тяготеет проклятие. Но я не заболел и не умер — наоборот, рос и становился все сильнее.

Однако мать не желала меня видеть. Говорила, что демоны подменили дитя в ее чреве. Когда меня приносили, мать впадала в полубезумное состояние. Вскоре она объявила, что у нее нет детей, кроме Хлаймера и моей сестры Лисаны, родившейся через год после меня, — прекрасной малышки без единого изъяна. В ней моя мать находила утешение.

Что касается меня, то я не жил в Ульмсдейле, меня отправили к одному из лесничих. Отец, правда, навещал меня, но не знакомил ни с кем из родственников. Однако, хотя мать отреклась от меня, отец, не испытывая ко мне привязанности, пожелал, чтобы воспитание его сына было достойным.

Он дал мне имя известного воина из нашего рода — Керован. По настоянию отца меня обучали владеть оружием. Для этого отец приставил ко мне обедневшего дворянина Яго. Этот Яго долго служил моему отцу, пока не покалечился при падении с горы.

Яго был настоящим воином, мастером всех боевых искусств, которым можно обучить юношу с сильным телом и острым зрением. Владел он и более тонким искусством: повелевать людьми.

Некогда сильный и деятельный человек, получив увечье, он начал совершенно новую жизнь. Теперь он тренировал свой мозг, как раньше — тело. Он жадно поглощал новые знания о битвах, и иногда по ночам я наблюдал за тем, как он на полоске разглаженной коры терпеливо излагал факты, касающиеся прорыва осад, тактики нападений и тому подобного, яростно вгрызаясь в кору ножом, который он использовал вместо ручки, и при этом бубнил себе под нос, чтобы подчеркнуть для меня тот или иной момент.

Яго много путешествовал, а в юности плавал даже по морям с сулькарцами — опасными морскими грабителями, бывал в таких легендарных землях, как Карстен, Ализон, Эсткарп... Правда, о последней стране он говорил очень мало и казался встревоженным, когда я приставал к нему с расспросами. Сказал только, что заклинания и колдовство там так же обычны, как у нас

колосья в поле, женщины — колдуньи и держатся особняком и все живут с оглядкой, держа язык за зубами.

Было еще кое-что, что заставляет меня с благодарностью вспоминать Яго. В его глазах я, очевидно, был похож на любого другого юнца, а не на юного монстра. Поэтому, когда я был с ним, я мог забыть о своих отличиях от сверстников.

Итак, Яго учил меня искусству войны — вернее, тому, что должен был знать о войне наследник. Тогда мы еще не ведали, что такое настоящая война, называя так поединки между соперничающими лордами или сражения с бандами преступников, живущих в Пустыне. Зимой голод и холод заставляли их нападать на селения, грабить амбары, пытаться захватить теплые дома. На самом деле война куда страшнее, это вовсе не игра по заранее разработанным и тщательно соблюдаемым правилам, как те игры, которыми мы развлекались долгими зимними вечерами, передвигая взад-вперед фигурки на доске.

Если Яго учил меня искусству войны, то Мудрый Ривал показал мне, что существуют и другие жизненные пути. У нас всегда считалось, что только женщина может постичь искусство исцеления тела и духа. Поэтому Ривал казался всем таким же странным, как и я. Обуреваемый жаждой знаний, он исходил все окрестности и даже побывал в Пустыне, а возвращался с огромным мешком за плечами, которому позавидовал бы любой странствующий торговец.

Он был родственником Главного лесничего и поэтому мог свободно бродить по лесам. Люди с опаской относились к Ривалу, но, когда заболело животное или человек мучился от неведомой болезни, всегда звали именно его.

Ривал прекрасно изучил свойства трав, в том числе тех, о которых знал только он. Почти каждый фермер, желающий получить хороший урожай, звал его к себе на поле и просил совета. Причем дело не ограничивалось растениями. Птицы и животные, которые были ранены или больны, прилетали и приходили к нему по собственной воле. Или он бережно относил их к себе и ухаживал за ними, пока они снова не могли сами о себе позаботиться.

Понятно, почему люди старались держаться подальше от целителя. К тому же все хорошо знали, что он посещает земли Древних, пытается постигнуть их тайны, которые навевали на окружающих панический ужас. Меня же, напротив, влекло к Ривалу.

Я был как все дети: хорошо слышал то, что тайком говорят обо мне. Слышал рассказы о моем рождении, о проклятии, которое лежит на роде Ульма, слышал, что в роду моей матери течет кровь чужой расы. Доказательств долго искать не приходилось. Достаточно было посмотреться в отполированный щит Яго, чтобы увидеть свой облик — странный, необычный.

Я как-то пошел к Ривалу, внешне гордый и независимый, но с тайным трепетом в душе. Целитель стоял на коленях перед растением с длинными острыми листьями, похожими на копыта, и даже не взглянул на меня, но заговорил так, как будто мы целое утро провели вместе:

— Мудрые женщины называют это растение «язык дракона». — Голос у него был мягкий, слегка вибрирующий. — Великолепно залечивает раны, словно языком зализывает. Посмотрим, посмотрим... Но ты ведь пришел не для того, чтобы расспросить о растениях, да, Керован?

— Да. Люди говорят, что ты многое знаешь о Древних.

Он сел на пятки и взглянул мне в глаза:

— Не очень. Мы можем смотреть, щупать, изучать, но их Сила... Она недоступна для наших сетей и ловушек. Остается лишь пробовать тут и там, вдруг что получится. Они знали намного больше нас. Мы даже не знаем, почему они почти исчезли из Высшего Холлака, когда прибыли первые из наших предков. Мы не вытесняли их — нет, их крепости и храмы, их Места Силы уже были пусты. Кое-где — да, некоторые задержались. И они все еще могут находиться в Пустыне и за пределами Пустыни, на той земле, куда мы не вошли. Но самое главное — они ушли, возможно, задолго до того, как появились люди, какими мы их знаем. И все же — искать то, что все еще может находиться здесь, — этого достаточно, чтобы заполнить всю жизнь и все же не найти и десятой доли десятой его части!

На его загорелом лице я видел то же самое оживление, что и у Яго, когда тот показывал хитроумный выпад мечом или объяснял, как устроить засаду. Ривал испытующе посмотрел на меня:

— Зачем тебе знать о Древних?

— Хочу выяснить, почему я не такой, как все...

Я замолчал. Гордость не позволила мне повторить вслух то, что я слышал от других.

Ривал кивнул:

— Знаний должен добиваться каждый человек, а знаний о себе — тем более. Но я не могу их тебе дать. Идем.

Он поднялся и пошел к своей хижине легким шагом лесного жителя. Не задавая вопросов, я двинулся следом. Так мы добрались до сказочного дома Ривала.

Я замер на пороге, не в силах пошевелиться. Никогда я не видел столько необычных вещей, каждая из которых притягивала мой взор. В корзинах и в гнездах сидели звери и птицы, смотревшие на меня яркими глазами. Они, казалось, чувствовали себя в безопасности и не собирались прятаться. На стенах было множество полок из грубо отесанных, едва отшлифованных досок, и все они были забиты глиняными горшками, пучками трав и корней; были тут и черепки, по всей видимости собранные в строениях Древних.

Хотя неподалеку от очага стояли кровать и два стула, комната явно была нежилой, скорее служила хранилищем. Ривал, оперев кулаки в бедра, вертел головой из стороны в сторону, как будто пытался разглядеть что-то особенное среди множества предметов. В воздухе стояла причудливая смесь тысячи запахов. Аромат трав смешивался с мускусным запахом зверей, а также пищи, варившейся в котелке над огнем. И все же это ни в коей мере не был нечистый или отвратительный запах.

— Ты ищешь Древних — тогда взгляни сюда! — Ривал указал на одну из множества полок.

Я пробрался между двумя корзинами с мохнатыми зверюшками и, подойдя поближе, увидел россыпь каких-то камушков и несколько фигурок, склеенных из обломков.

Может, среди Древних в самом деле жили такие существа, если только они не были плодом воображения скульптора. Но в том, что в них была своя красота, даже когда они выглядели гротескно, я мог убедиться сам.

Одна фигурка изображала крылатую женщину (к сожалению, без головы), другая — мужчину самого обыкновенного вида, за исключением того, что с его лба свисали два изогнутых рога. И все же лицо его было благородным и безмятежным, как будто он был Великим лордом по праву своего духа. Была фигурка с перепончатыми руками и ногами — видимо, обитатель морских глубин. Рядом стояла маленькая статуэтка женщины с такими длинными волосами, что они покрывали ее всю, как плащ. Эти фигурки Ривал постарался восстановить хотя бы частично. Еще были фрагменты утраченных скульптур: голова в короне, но без носа и с пустыми глазницами, тонкая рука с кольцами на пальцах... И рука, и кольца были сделаны из одного и того же неизвестного мне материала.

Чем дольше я смотрел, тем сильнее разгоралось во мне желание побольше узнать об этом народе. Я понимал теперь сжигающую Ривала страсть поисков, его терпеливые попытки восстановить разбитые фигурки, чтобы воочию увидеть создания Древних.

Ривал тоже стал моим учителем. Я ходил с ним по местам, которых избегали другие люди. Мы искали, размышляли, делали предположения, надеясь, что когда-нибудь обнаружим ключ к прошлому или хотя бы намек на него.

Раз в месяц приезжал отец. Когда мне исполнилось десять лет, он наконец обратился ко мне серьезно. Его что-то мучило. Он был угрюм и, вероятно, хотел сообщить нечто важное.

— Ты мой единственный сын, — начал отец. Было видно, что он с трудом подбирает слова. — И ты полноправный наследник моего трона в Ульмсдейле.

— Многие считают иначе, — сказал я без вопросительной интонации, будто констатируя факт.

Отец нахмурился:

— Тебе кто-нибудь говорил об этом?

— Я и сам знаю.

Он еще больше посуровел:

— Ты пришел к правильному выводу. Я взял Хлаймера под свое покровительство, так как его мать — леди Ульмсдейла. Но он не имеет права быть поднятым на щите к трону после моей смерти. Трон принадлежит тебе. Однако меня склоняют к тому, чтобы Лисана обручилась с Роджером, твоим кузеном.

Я сразу понял, что он хочет сказать, и без колебаний спросил:

— И Роджер, как муж твоей дочери, унаследует Ульмсдейл?

Рука отца стиснула рукоять меча. Он поднялся и стал расхаживать взад-вперед, твердо ставя ноги на землю, словно готовясь к отражению атаки.

— Хотя это противоречит законам, все вокруг жужжат и жужжат день и ночь, так что я почти оглох в собственном доме.

Я понял, что «все» — это моя мать, которая не считает меня своим сыном. Но я промолчал.

— Поэтому я хочу женить тебя, Керован. По этой свадьбе, свадьбе наследника, люди поймут, что я полностью признаю твои права. Через десять дней Нолон поедет в Иткрипт. Там есть очень красивая девушка по имени Джойсан, она младше тебя на два года, что вполне уместно. После женитьбы уже никто не посмеет отодвинуть тебя от престола — хотя твоя жена не придет до года Огненного Троля.

Я быстро прикинул в уме — восемь лет. Это хорошо. Свадьба не имела для меня большого значения, хотя отец считал ее делом особой важности. Интересно (впрочем, отца спросить я не отважился), скажут ли девушке или ее родственникам, кого прочат ей в мужья? Но мальчику моих лет тот роковой день казался очень далеким, и, возможно, думал я, что-то может помешать и этого никогда не случится. Я не был уверен, что Нолон намеревался сыграть мою роль в браке топора, потому что он выехал из Ульмскипа, когда меня там не было.

Через два месяца приехал отец, уже не такой несчастный и озабоченный, как раньше. Он сказал, что Нолон вернулся и я обручен с девушкой, которую я никогда не видел и, вероятно, не увижу еще по крайней мере восемь лет. Так что пока меня не слишком заботил тот факт, что у меня была жена.

Дни шли за днями. Все больше времени я проводил с Ривалом в поисках тайн Древних. Яго, которому я был поручен, не возражал против моих походов с Ривалом. Они давно дружили, несмотря на то что разительно отличались друг от друга — как мыслями, так и поступками.

Вскоре наставник уже не мог противостоять мне в поединке на мечах и топорах, оставаясь непревзойденным только в стрельбе из лука. Он продолжал чертить карты, разрабатывать планы сражений. И хотя я не видел в этих занятиях особой пользы, я не хотел обижать старика и внимательно выслушивал его рассуждения. Впоследствии полученные знания не раз меня спасали.

А вот Ривал, казалось, совсем не старился. Так же как и раньше, он без усталости ходил по лесам, с удивительной легкостью преодолевая большие расстояния. Я, к сожалению, не сумел в полной мере постичь искусство лекаря, зато познал мир птиц и животных, перестал охотиться ради развлечения и находил удовольствие в том, что дикие звери меня не боятся.

Но самое приятное заключалось в посещении замков Древних. Ривал проникал в своих походах все дальше и дальше в Пустыню. Самым большим его желанием было найти какие-нибудь книги или свитки.

Я считал, что их вряд ли удастся прочесть, ведь никто не знал языка Древних. Ривал соглашался, однако в душе был уверен в успехе: стоит только найти книги, а уж он-то сумеет в них разобраться.

Я женился в год Плюющей Жабы. По мере того как я приближался к зрелости, мысль об этой далекой леди начала время от времени странно беспокоить меня.

В доме лесничего были два мальчика моих лет. Мы так и не стали друзьями. Не только происхождение разделяло нас, я и сам старался не сближаться с ними. Моя нечеловеческая внешность не позволяла мне приобрести друзей. Я подарил свою дружбу лишь двоим — Яго, который годился мне в отцы, и Ривалу. Он мог бы быть моим старшим братом, и порой мне этого очень хотелось!.. Но эти парнишки уже ходили на осеннюю ярмарку с ленточками, привязанными к верхним застеж-

кам курток, а потом, хихикая, шептались о приключениях, к которым это их привело. Это зародило в моей душе первое сильное предчувствие, что, когда наконец придет время лично предъявить права на леди Джойсан, она может увидеть меня таким же монстром, каким видит меня моя мать. И чем ближе я подходил к порогу мужества, тем чаще думал о том, что произойдет, когда моя жена приедет в Ульмсдейл и я должен буду поехать, чтобы остаться с ней. Что, если она отвернется от меня с неприкрытой ненавистью, как моя мать...

По ночам мне снились кошмары, и Ривал наконец с сочувствием спросил, что со мной происходит.

Я поведал ему правду о своих сомнениях, в надежде, что он успокоит меня, скажет, что я вижу чудовищ там, где их нет.

Однако Ривал не стал меня успокаивать. Он долго молчал, глядя на руки, которые только что пытались восстановить разбитую фигурку, а теперь покоились на столе.

— Мы всегда говорили друг другу правду, Керован, мой единственный спутник. Разве я могу обещать, что приведу тебя к счастью?.. Когда-то я тоже ждал свадьбы. Но я тоже не похож на других — не внешне, как ты, а своими привычками, мыслями. И это отпугнуло ту, с которой я должен был разделить Чашу и Пламя.

— И ты никогда не был женат?! — воскликнул я.

— Нет. Зато в моей жизни есть другое!

— Что же?

— Это! — И он раскинул руки, как бы обнимая все, что находилось в доме.

— Значит, со мною произойдет то же самое... — промолвил я.

Я был обручен, так как этого требовали обычаи и воля моего отца. То, что я слышал о браках, заключающихся лордами, не обещало мне счастья. Наследники женились, чтобы увеличить свои поместья за счет приданого невест, чтобы продолжить линию рода. Если впоследствии появлялись любовь и уважение, то в дом приходило счастье. Но так бывало редко.

— Поговорим о другом, — тактично предложил Ривал. — Есть одно дело, о котором я давно думаю.

— Пойти по дороге!

Я вскочил на ноги, намереваясь тут же отправиться в путь, чтобы открыть тайну. Эта дорога действительно была загадочной.

Мы набрали на нее во время скитаний по Пустыне. Привычные нам дороги представляли собой всего лишь протоптанные кривые тропы, пригодные только для передвижения верхом. Дорога же, на которую мы наткнулись, была вымощена тщательно подогнанными каменными плитами. Ничто не указывало на ее предназначение. Дорога начиналась примерно в половине дня пути от дома Ривала и вела вглубь Пустыни — широкая, прямая, местами засыпанная желтым песком. Дойти до ее конца было нашим давним желанием.

То, что мы решились на путешествие, полностью вытеснило у меня из головы мысли о жене. Джойсан была для меня всего лишь именем, пустым звуком, встреча наша была еще так далека! Путешествие же должно начаться немедленно.

Я ни перед кем не отчитывался в своих действиях, кроме Яго. А он в это время года ездил в Ульмсдейл, чтобы встретиться с товарищами по оружию и доложить отцу, как здесь обстоят дела. Поэтому я был полностью свободен и мог делать что хочу.

А хотел я сейчас только одного: поскорее двинуться в путь по таинственной дороге.

2

Начало приключений Джойсан, девы из Иткрипта, в Итдейле, Высший Холлак

Я, Джойсан из Иткрипта, вышла замуж во время сбора урожая в год Плюющей Жабы.

Вообще-то, этот год считался неподходящим для новых начинаний, и потому мой дядя, лорд Кьярт, обратился за советом к даме Лорлиас из аббатства Норстед. Она настолько хорошо понимала язык звезд, что к ней приезжали за помощью из дальних краев. Прорицательница обратилась к звездам и сказала, что

брак совершенно необходим для моего счастья. Свадьба меня мало беспокоила, но связанные с ней долгие церемонии были настолько утомительными, что я чуть не плакала.

Восьмилетнему ребенку невозможно вникнуть в думы и тревоги, владеющие взрослыми людьми. Обручение мне виделось ярким, пышным действием; одного я не могла понять — своей роли.

Я помню свой наряд, расшитый узорами из золотой нити и пресноводного жемчуга (которым по праву славятся ручьи Итдейла). Однако все мое внимание было занято тем, чтобы выполнить суровый приказ госпожи Мэт: не запачкать и не помять мой наряд. Платье было голубое, хотя мне никогда не нравился этот цвет. Я больше любила цвета, богатые оттенками, например цвет осенних листьев. Но голубой — это цвет невесты, и я была вынуждена следовать обычаям.

Мой жених не приехал и не выпил со мной Чашу Жизни, не зажег свечу Дома. На его месте сидел человек такой же суровый, как и мой дядя. Мне запомнился ужасный шрам на его руке: я очень испугалась, когда во время церемонии он взял меня за руку. В другой руке он держал огромный боевой топор, символизирующий моего настоящего жениха. Правда, жениху нужно было прожить еще по крайней мере лет шесть, прежде чем он смог бы оторвать такой топор от земли.

— Лорд Керован и леди Джойсан! — прокричали гости и обнажили ножи. Лезвия засверкали в свете факелов.

Гости поклялись доказывать в будущем законность этого обручения даже с помощью оружия. От страшного шума у меня заболела голова, возбуждение прошло, и я как во сне дожидаясь конца празднества. Старый лорд Нолон, представляющий на свадьбе жениха, ел со мной из одного блюда. Он то и дело спрашивал, какое из блюд я желаю отведать, а я настолько его боялась, что не могла вымолвить ни слова. Его вкус в выборе блюд совершенно не совпадал с моим. Желудок отчаянно протестовал против такого насилия, и накатывала тошнота.

Много позже женщины уложили меня в одной сорочке на громадную кровать с балдахином. Мужчины во главе с дядей принесли этот ужасный топор и положили его рядом со мной,

как будто это был действительно мой жених. Так состоялась моя свадьба, потом она уже не казалась мне странной: просто это было событие, которое ребенку трудно понять и которое я поскорее задвинула на задворки сознания.

И лишь топор, который был моим партнером вместо жениха из плоти и крови, был суровым предвестием того, что со временем ждало не только меня, но и всю мою родную страну — Высший Холлак.

После отъезда лорда Нолона жизнь вернулась в прежнюю колею. Мне предстояло жить под родительским кровом, пока я не достигну брачного возраста и пока мой лорд не призовет меня.

Однако незначительные изменения в моей жизни все же произошли. На больших празднествах я теперь сидела по левую руку от дяди и ко мне обращались, называя новым титулом — леди Ульмсдейла. На моей праздничной одежде теперь был не один герб, а два, разделенные золотой лентой. Слева — грифон Ульмсдейла, сверкающий драгоценными камнями, а справа — Сломанный Меч Харба. Этот знаменитый воин основал наш род в Высшем Холлаке и прославил его, когда победил Сломанным Мечом ужасного Демона Пустыни.

На именины я получала подарки от лорда Керована с приветствиями и поздравлениями. Тем не менее сам Керован был для меня чем-то нереальным.

Овдовев, мой дядя поручил управление замком Иткрипт своей сестре — госпоже Мэт. И она же взяла на себя мое воспитание. Тому-то и тому-то обязательно следовало научиться, чтобы стать хорошей хозяйкой в доме мужа. Задания госпожи Мэт становились все труднее. Порой мне хотелось навсегда забыть об Ульмсдейле и его наследнике, и все мое существо охватывало страстное желание быть незамужней и свободной. Увы, ускользнуть от госпожи Мэт и ее чувства долга было невозможно.

Я совсем не помнила дядину жену. У него почему-то не было наследника, и за годы, прошедшие со дня смерти супруги, он так больше и не женился. Я иногда думала, что дядя просто не осмеливался хоть немного поколебать авторитет госпожи Мэт. Нельзя отрицать, что она была хорошей хозяйкой, она умело

управляла замком и приносила мир и покой всем, кто жил под его сенью.

В юности (с трудом верилось, что леди Мэт была когда-то молодой девушкой) ее обручили — тоже с помощью топора — с лордом из южных долин. Но прежде чем она стала настоящей супругой, пришла весть о его смерти от изнуряющей лихорадки. Никто не знал, сожалела ли она об этой потере. Когда минуло время траура, она удалилась в Норстед — монастырь, весьма почитаемый за ученость и благочестие обитающих в нем женщин. Но смерть жены ее брата произошла до того, как госпожа Мэт дала монашеский обет, и она вернулась в Иткрипт, чтобы выполнять обязанности его хозяйки.

Мэт всегда носила строгое платье и дважды в год совершала паломничество в Норстед. Когда я подросла, она стала брать меня с собой.

Вопрос о наследнике дяди оставался нерешенным, так как он не сделал никакого распоряжения на сей счет. У него была младшая сестра — Ислога, которая вышла замуж и родила сына и дочь. Но этот сын уже был объявлен наследником своего отца и, следовательно, не мог являться наследником дяди.

Я была дочерью дядиного младшего сводного брата, но, не будучи женщиной, не могла стать наследницей, кроме как по прямому распоряжению, которого мой дядя не отдавал. Мое приданое было достаточно богатым, чтобы привлечь хорошего мужа, и дядя мог, если бы захотел (нет, это даже было его долгом!), назвать наследником моего супруга.

Я думаю, что госпоже Мэт хотелось бы видеть меня в монастыре, она не желала моей свадьбы. И по правде говоря, поездки в Норстед мне нравились. Мой ум был пытлив от рождения, и это привлекло ко мне внимание бывшей настоятельницы Малвинны, старой и очень мудрой. После доверительной беседы она позволила мне заниматься в библиотеке монастыря.

В шкафах библиотеки хранились настоящие сокровища — свитки с записями о путешествиях, о войнах, о прошлом. Эти истории меня зачаровывали.

Но больше всего меня увлекали упоминания о Древних, которые правили этой страной до того, как на север пришли наши

люди. Я хорошо понимала, что эти сведения искажены, ведь Древние ушли отсюда еще до появления моих предков. Они встретили лишь немногих из Древних, которые, возможно, были низшими существами и были оставлены здесь, как если бы кто-то сбросил поношенный плащ лишь для того, чтобы исказить наше представление об их народе.

Некоторые из Древних были связаны со Злом, как тот Демон, которого убил Харб, и сохранились еще места, где таилось черное колдовство; они были весьма опасны для неосторожного человека. Другие Древние заслуживали благодарности и даров. Такова была Гуннора — Мать Плодородия, которой поклонялись все женщины и чьи тайны были по-своему столь же велики, как Поклонение Очищающему Пламени, которому был посвящен женский монастырь. Я сама носила амулет Гунноры — пшеничный колос, перевитый с виноградной лозой.

Были и иные Древние — ни плохие, ни хорошие. Они не укладывались в человеческие стандарты и порой проявляли удивительную капризность: одним делали добро, другим — зло, будто взвешивали людей на своих собственных весах, а затем поступали с ними так, как считали нужным.

Было рискованно иметь дело с кем-либо из Древних, кроме Гунноры. Отчеты, которые я нашла в библиотеке Норстеда, были полны примеров того, как люди пробуждали от долгого сна Силы, которые никогда не следовало тревожить.

Иногда я отыскивала в маленьком садике аббатису Малвинну и расспрашивала ее о Древних. Она отвечала, если могла, а когда не знала ответа, то сознавалась в своем неведении. В последний раз я застала аббатису сидящей с чашей на коленях. Чаша была сделана из зеленого камня, обработанного так искусно, что тень пальцев аббатисы, обхвативших ее, просвечивала насквозь. На чаше я не заметила никаких украшений, но ее линии были изящны и четки: настоящее произведение искусства!

В чаше было немного вина. Я знала, что это вино, так как его пьянящий запах ударил мне в ноздри, — тепло пальцев аббатисы высвободило аромат винограда. Малвинна медленно покачивала чашу, и вино омывало ее. Аббатиса испытующе посмотрела

на меня. Мне стало как-то неловко, и я быстро проверила в уме свою совесть: не совершила ли я каких-либо прегрешений?

— Я много раз пыталась сделать это, Джойсан, — промолвила она. — И вот сегодня утром проснулась с желанием повторить попытку для тебя. В юности у меня был Дар Предвидения. Действительно Дар, хотя многие сомневаются в этом — те, кто боится того, чего нельзя потрогать, попробовать на вкус или услышать. Этим Даром нельзя управлять. Обладающие им не могут вызвать его, надо ждать, когда он сам проявится. И сегодня, если ты хочешь, я попытаюсь использовать мой Дар для тебя. Впрочем, еще неизвестно, что из этого получится.

Меня охватило возбуждение. Я слышала о Даре Предвидения. Им обладают Мудрые женщины — вернее, некоторые из них. Но, как сказала аббатиса, этот Дар нельзя заострить, чтобы он всегда был готов к использованию, как меч мужчины или швейная игла женщины. К моему возбуждению, однако, примешивался страх. Одно дело — читать, слушать рассказы о Силе, и совсем другое — видеть это в действии и применительно к себе. Впрочем, даже страх не заставил меня сказать «нет» в ответ на предложение аббатисы.

— Встань передо мною на колени, Джойсан. Возьми чашу двумя руками и держи ровно.

Я сделала, как было велено, держа чашу, словно головешку, готовую вспыхнуть в любой момент. Затем Малвинна наклонилась вперед и притронулась пальцами правой руки к моему лбу:

— Смотри в вино, думай, что это картина... картина...

Голос затихал. Я смотрела в чашу — и видела уже не только темную жидкость. Это было похоже на то, как если бы я повисла в воздухе над безграничным пространством тьмы — гигантским зеркалом, в котором нет того блеска, каким обладает истинное зеркало. Поверхность черноты подернулась дымкой, и из струящегося тумана постепенно стали выплывать какие-то шевелящиеся тени. Я увидела круглый блестящий шар и в нем то, что было мне знакомо, — грифон, отливающий белым блеском.

Сначала шар был большим, занимал все зеркало. Затем он начал быстро уменьшаться, и мне стало ясно, что он прикреп-

лен к цепи. Цепь держала рука. И шар вращался. Грифон то обращал свой взор на меня, то отворачивался прочь.

Теперь шар стал совсем маленьким, словно отдалившись; уменьшилась и рука, держащая его. Вскоре в поле зрения возникла фигура мужчины. Он смотрел куда-то в сторону, и я не видела его глаз. Кольчуга закрывала тело незнакомца, на поясе висел меч, а через плечо — лук.

Я не могла определить, к какому роду он принадлежит: не было эмблем. Ничего, кроме загадочного шара.

Затем мужчина ушел, как будто его кто-то позвал. Зеркало вновь стало темным и безжизненным.

Малвинна убрала руку с моего лба. Когда я подняла глаза, то увидела, что ее лицо побледнело. Поэтому я быстро отставила чашу и осмелилась взять ее руки в свои, стремясь помочь ей.

Аббатиса слабо улыбнулась:

— Требуется очень много сил, а их у меня и так мало. Но я должна была это сделать. Скажи, дочь моя, что ты узнала?

— Разве ты ничего не видела? — с удивлением спросила я.

— Нет. Видение предназначалось только тебе.

Я рассказала обо всем, что прошло передо мною, — о грифоне, заключенном в шар, о человеке в боевых доспехах, который держал шар...

— Грифон — это герб Ульмсдейла. Может, я видела лорда Керована, с которым я обручена?

— Вероятно, — согласилась аббатиса. — И мне кажется, этот грифон имеет большое значение для твоего будущего. Если он когда-нибудь попадет в твои руки, храни его. Вполне может быть, что в нем фокусируется Сила, которой обладали Древние. А теперь позови госпожу Алусан. Мне нужно одно из ее укрепляющих сердечных средств. Но не говори о том, что мы сделали здесь сегодня утром, ибо Предвидение — это личное дело и о нем нельзя говорить легкомысленно.

Я не сказала об этом никому, даже госпоже Мэт. Бывшая настоятельница позволила всем поверить, что она просто немного устала, и они засуетились вокруг нее, потому что ее очень любили. Чашу я отнесла в гостиную и поставила на стол.

Я смотрела и смотрела в нее, но не видела ничего, кроме вина, — ни темного зеркала, ни движущихся теней. Однако грифон как будто впечатался в память; если бы я могла рисовать, то изобразила бы его в мельчайших деталях. Этот грифон несколько отличался от грифона на гербе Ульмсдейла. Как положено, у него были крылья и голова орла, но задняя часть с ногами и хвостом была как у льва — зверя, которого можно встретить только на юге. Голову орла венчали львиные уши.

По верованиям нашего народа, грифон символизирует золото, тепло и величие солнца. В старых легендах говорится, что грифоны охраняют спрятанные сокровища. Поэтому их всегда изображали красным и золотым цветом — цветом солнца. Однако грифон, который явился мне, был заключен в хрустальный шар.

Вскоре после этих событий госпожа Мэт и я вернулись домой в Иткрипт. В год Коронованного Лебедя мне исполнилось четырнадцать лет, пора было готовить одежду и утварь для переезда в дом мужа. Через год-другой меня призовет лорд Керован.

Мы отправились в Тревампер — город, расположенный на стыке торговых путей. Здесь собирались все торговцы севера и предлагали свои товары. Даже сулькарцы — морские разбойники, весьма неохотно покидавшие царство ветра и волн, тоже приезжали в Тревампер.

Случайно мы повстречались тут с моей тетей Ислогой, ее сыном Тороссом и дочерью Ингильдой.

Хотя тетя сердечно приветствовала госпожу Мэт, я понимала, что это простая вежливость, — сестры не любили друг друга. Леди Ислога, изобразив улыбку на лице, поздравила меня с прекрасным браком, который соединил наш Дом с Домом Ульмсдейла.

Когда старшие с головой ушли в разговоры и перестали обращать на нас внимание, ко мне придвинулась Ингильда и уставилась на меня, как мне показалось, неприязненно. Она была полной девушкой, облаченной в богатую одежду, по которой струились ее косы; концы их были перевязаны лентами, а на лентах висели маленькие серебряные колокольчики, призван-

ные сладко звенеть, когда она двигалась. Такое украшение не шло к ее широкому, плоскому лицу со слишком маленьким ртом и слегка поджатыми губами, как будто она пережевывала пряный секрет и раздумывала, стоит ли им делиться.

— Ты знаешь, как выглядит твой лорд? — спросила она почти резко.

Мне стало не по себе под ее пристальным взглядом. Я чувствовала ее недружелюбие, хотя чем оно вызвано — ведь мы едва знали друг друга, — не могла догадаться.

— Нет.

Я сразу насторожилась, как всегда, когда чувствовала враждебное отношение. Но лучше узнать правду сейчас, чем тревожиться понапрасну. Я впервые подумала о том, что раньше не приходило мне в голову. Почему Керован не прислал мне свой портрет? Обычно во время обручения вместе с топором привозили портрет жениха.

— Жаль. — Во взгляде Ингильды я прочла торжество. — Посмотри, вот мой жених, Элван из Ришдейла. — Она достала из кармана на поясе продолговатую деревянную дощечку, на которой было нарисовано лицо. — Он прислал свой портрет вместе со своим подарком невесте два года назад.

Это было лицо не юноши, а человека средних лет. И оно мне совсем не понравилось, хотя, может быть, просто художник был не очень искусен. Тем не менее Ингильда явно гордилась женихом.

— Кажется, это человек серьезный.

Я не смогла придумать ничего иного. Чем дольше я смотрела на портрет, тем меньше он мне нравился. Ингильда восприняла мои слова как похвалу, на что я и надеялась.

— Ришдейл — горная долина, там все торгуют шерстью. Мой жених уже прислал мне подарки.

Она похлопала по янтарному ожерелью на своей шее и протянула мне руку, чтобы я могла взглянуть на массивное кольцо в виде змеи на большом пальце, глаза змеи были из красных драгоценных камушков.

— Змея — эмблема его рода. Это его собственное кольцо. Следующей осенью я поеду к нему.

Содержание

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРИФОН. <i>Роман</i> <i>Перевод Б. Сагаловского</i>	5
ГРИФОН ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ. <i>Роман</i> <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	181
ГНЕЗДО ГРИФОНА (В соавторстве с Энн Кэрл Криспин). <i>Роман</i> <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	377
НАСЛЕДНИК УЛЬМСДЕЙЛА. <i>Рассказ</i> <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	557

Литературно-художественное издание

АНДРЭ НОРТОН

КОЛДОВСКОЙ МИР ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРИФОН

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Светлана Прохватилова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Терскова, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.12.2021. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 36. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-ZNF-28452-01-R